

Юлия Друнина на Пушкинском празднике поэзии в Михайловском. Фото РИА «Новости»

Независимая газ. - 1999 - 8 июля. - с. 7

ГЛИНИСТАЯ РЕЧЬ ОКОПА

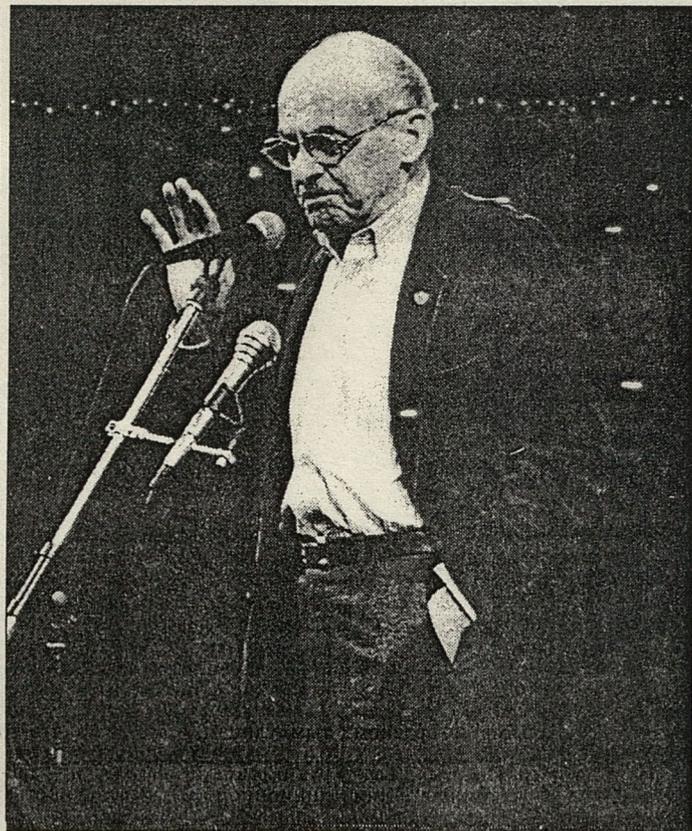
Памяти Юлии Друниной и Булата Окуджавы

Дмитрий Павлов

«Я ТОЛЬКО раз видала рукопашный. / Раз — наяву. И тысячу — во сне. / Кто говорит, что на войне не страшно, / Тот ничего не знает о войне». Это стихотворение написано девятнадцатилетним санитаром стрелкового полка Юлией Друниной. В 1943 году. За два года до этого, в первые же дни войны, она, семнадцатилетняя, только-только окончив школу, ушла добровольцем на фронт... Думаю, что война для нее не кончилась, даже когда в 44-м году ее демобилизовали из армии — после ранения и контузии: война, наверное, вообще, а тем более такая остается с человеком навсегда. Мой дед, знавший, что такое голод блокадного Ленинграда, сердился на мать, когда она чистила картошку: ему казалось, она срезает слишком толсто. А в 89-м году, когда в советских магазинах почти совсем исчезли продукты и в Москве ввели карточки, стал тихо, но упрямо забивать антресоль сухарями: война не возвращалась — она от них и не уходила...

Для фронтового поколения война не просто навсегда осталась в памяти — она стала частью их человеческого существа. Уже после войны Друнина пишет: «Мне теперь уже и непонятно, / Почему так мучили меня

Одно из последних выступлений Булата Окуджавы. Фото Артема Житенева (НГ-фото)

/ На руках пороховые пятна / Да следы железа и огня»...

«Я пришла из школы в блиндажи сырые, / От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать» — это не только личный путь поэта от блоковых туманов к сырому, глинистому языку окопа, это еще и путь целого поколения, голосом которого стал поэт. История этого поколения, со школьной парты ушедшего на мировую бойню, — история с чертами, которые кажутся уже давно и насковзь знакомыми,

рассказанная и повторенная тысячи раз, как эпос, — в сущности, эпос и есть. Со всеми его людскими массами, судьбами отдельных людей, сломанными и раздавленными бесчеловечной исторической стихией, священным ужасом ополчения, превращающим рядового человека сначала просто в рядового, а потом в рядового героя, страшной простотой (а что бы им сложные, теоретические рассуждения, например, об экзистенции, если они, как Друнина, увидели Ро-

дину и осознали ее таковой — на передовой, «в семнадцать лет, кочуя по окопам?») и будничным, бессознательным героизмом. «А пули? Пули были. Били часто. / Да что о них рассказывать — / война», — как написал другой поэт того же фронтового поколения Булат Окуджава.

Совершенно очевидно, что известный афоризм о говорящих пушках и замолкающих музах, как и большинство афоризмов, — от истины отстранен ровно настолько, насколько и изящен. Действительная жизнь, как и действительная поэзия, от такого изящества, мягко говоря, далековаты, и их общая реальность куда проще и страшнее:

Целовались, плакали и пели.

Шли в штыки.

И прямо на бегу

Девушка в заштопанной шинели

Разбросала руки на снегу.

Мама! Мама! Я дошла до цели,

Но в степи, на волжском берегу,

Девушка в заштопанной шинели

Разбросала руки на снегу...

Поэзия поэтов-фронтовиков, видимо, — это еще и история обретения личной судьбы поэта в судьбе всего своего поколения, и, может быть, потому «я», от лица которого ведется речь в стихах той же Друниной, оказывается как будто не ее личным, и вместо голоса одного «лирического героя» звучат тысячи судеб и голосов, которым поэт дал и свой голос, — звучит сдержанный и трагический хор победителей. Может быть, отсюда та «целомудренная строгость» тона Друниной, подмеченная в свое время критикой.

У Окуджавы то же самое проявляется иначе — в жанре. По настроению романтик, то есть все же, казалось бы, «лирическое я», — он поэт-песенник, бард, а авторская песня, как раз против собственного определения, стремится не то чтобы к потере авторства, но к растворению его в подхватывании и подпевании, не к хору, но к тесному кругу, к воплощению этого «лирического я» уже в «коллективном лирическом», которому не случайно и победа будет нужна «одна на всех», — в этом принцип.

Но принцип этот работал еще и так, что, подпевая Окуджаве, мы уже не просто слышали голоса тысячи военных судеб, но сами становились голосами того, военного поколения, и их судьба производилась нами как судьба наша:

Последний зал прорвал тишину

и за горной грядой смолк,

будто бы там расстрелял войну

артиллерийский полк.

Вдыхает земля

сквозь гарь и смрад

весны крутой аромат.

Из блиндажа, тишиной объят,

выбрался солдат

и смотрит

в майскую синеву,

бросившись на траву:

морем течет над ним синева,

и не нужны слова.

По возрасту одноклассники, именно этим отличием поэтик Окуджавы и Друнина отделились друг от друга так, что Окуджавы (фактически и вошедший в поэзию позже, если судить по первым изданным книгам, на восемь лет) оказывается как будто моложе и эстетически ближе уже следующему поколению поэтов...

9 мая Булату Шалвовичу Окуджаве и 10 мая Юлии Владимировне Друниной исполнилось бы 75 лет.